

НЕУДОБНАЯ КНИГА

Иванов Анатолий. Вечно державная Россия. — М. : Книжный мир, 2025. — 496 с.

ВИЗДАТЕЛЬСКОМ и книжном российском сообществе — немая тягостная пауза: вышла новая книга патриарха русской патриотической публицистики, идеолога национального возрождения Анатолия Михайловича Иванова "Вечно державная Россия". Немая, потому что на массу новой, никому доселе не известной исторической, политической и просто фактической информации, содержащейся в этой книге, никто не нашёл что возразить, да и просто — что сказать. Тягостная, потому что это молчание — скорее всего временное, оппоненты и откровенные недоброжелатели просто перегруппировывают силы, накапливают яды. Чтобы потом сильнее ударить, больнее ужалить. Уж слишком неожиданной и неудобной оказалась эта книга: там и выводы слишком новые, и характеристики очень непривычные, и прогнозы — трижды смелые.

Пересказывать содержание статей, составивших этот сборник, — дело бессмысленное (напрочь утрачивается главное — тот самый смысл этих новых выводов, характеристик и прогнозов, что является главным продуктом творчества А.М. Иванова). Только подчеркну: среди прочего в книгу вошла оригинальная автобиография русского мыслителя — ранее ничего подобного за долгие годы работы и творчества он себе не позволял. Через веки собственной жизни автор напоминает читателям о самых значимых вехах новейшей истории России. И его личные веки невеселы (гонения, суды, ссылки, психушки), и веки жизни Родины откровенно трагичны (смерть последнего достойного правителя советской державы, недуги оставленного им в наследство нерадивым преемником государства, наконец, крах, казалось бы, нерушимой Красной империи. Они совпадают, переключаются, акцентируют друг друга. Важно, но к Отчеству у А.М. Иванова претензий нет! После всего перенесённого и пережитого он вовсе не озлобился, не обличился в традиционную "диссидентскую шкуру с колючками", не скатился до уровня брызгливого обличителя. Он не ёрничаёт над неудачами государства, гражданином которого был рождён, не смакует его ошибки, не глумится над знаковыми фигурами его истории. Автор просто пытается во всём разобраться и представить читателю свой совершенно самостоятельный, очень искренний взгляд на новейшую историю Родины.

Отмечая и оценивая основные этапы летописи Красной империи, автор часто обращается к предыдущему периоду истории России, к тому времени, "когда всё случилось", по принципу: "Чтобы понять сегодня, надо чётко понимать прошлое". И снова в его оценках — взвешенность, логика, предельная объективность.

А ещё тексты А.М. Иванова "играют", держат читателя, потому что в них часто используются... стихи автора. И здесь патриарх русского патриотизма предстаёт как поэт, вполне зрелый, ни на кого в отечественной поэзии не похожий, но традиции русской поэзии неукоснительно соблюдающий.

Однако самой главной, самой смелой, самой оригинальной, пусть и небесспорной составляющей этого сборника стала статья, посвящённая нынешнему непростому и, увы, небесковному периоду истории нашего Отечества. Очередная попытка всё осмыслить. Как без сосюканья и подобострастных панегириков, так и без "релокантной" паники и истерических недобрых пророчеств. И, конечно, с близкими и дальними историческими параллелями.

СЛЕДИТЬ за ходом мысли А.М. Иванова для мыслящего читателя — истинное наслаждение! Вот оно — торжество русского национального гения! Вот оно — биение бессмертной русской национальной мысли!

Удивительная творческая лаборатория А.М. Иванова: он берёт всем знакомые, казалось бы, факты, добавляет детали из малоизвестных источников (здесь мастерски использует знание почти всех европейских языков, потом всё это переосмысливает, что-то увеличивая, что-то отодвигая на задний план, демонстрируя мастерское владение ремеслом исторической оптики) и... делает выводы, которые и специалист, и обыватель заставляют врасплох. В итоге автор рождает совершенно новые смыслы, заселяет этими новыми смыслами уже хорошо известные государственные территории и временные пространства. Создаёт империю собственных смыслов. И управляет этой империей прозорливо и мудро. Оберегая рубежи, умножая богатства, воспитывая граждан. За всем этим какое-то волшебство, дар свыше и, конечно, великий триумф масштабного русского гения.

Впрочем, почему всё комплименты и восторги, всё исключительно "по шерсти"? Читатель мыслящий, "жёланные истины" отвергающий (других читателей у А.М. Иванова просто быть не может), обязательно задумается, почему в разнoplановой и глубокой публицистике патриарха русского национального возрождения нет исчерпывающих ответов на некоторые очень конкретные вопросы. Именно ответов, а не намёков на ответы.

Почему, например, не смогли победить российские патриоты в лице того же самого легендарного и несчастного ГКЧП в 1991 году? Понятно, дело не в трясущихся руках Г.И. Янаева, которые так образно зафиксировал автор в одной из своих работ, составивших этот сборник. А почему героическая оборона Белого дома в начале октября 1993 года не стала началом всенародного победоносного национального восстания, призванного смести клику Ельцина и его собутыльников? Понятно, единичными, пусть и блестящими по форме, формулировками здесь не отделаться. Нужен серьёзный анализ состояния всего общества, всех государственных структур.

Возможно, там кроется что-то похожее на ответы, касающиеся вопросов более актуальных, куда более кровотокащих: когда российские войска пройдут парадом по Крещатику, когда начнёт во Львове свою работу трибунал над украинцистами, когда Зеленого привезут в Москву в железной клетке?

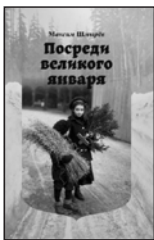
Впрочем, всё это, возможно, всего лишь мечтательные пожелания читателя, уже порядком избалованного глубокими и неожиданными книгами А.М. Иванова.

Кстати, этот сборник вышел в тот год, когда Анатолий Михайлович отметил своё 90-летие. Надо ли напоминать, что книга стала подарком ценителям его творчества и... мощным залпом по врагам России? А в портфеле патриарха есть новые рукописи, в его планах есть ещё что сказать... Ждём новых книг, Анатолий Михайлович!

Борис ЗЕМЦОВ

Шмырёв Максим. Посреди великого января. — М. : Тотенбург, 2025. — 130 с.

"МНОГО-много лет назад, на заре нашей юности, когда солнце показывалось алым краем из-за горизонта, воздух был свеж, снег хрусток, а летние травы шумели ветром, что веял от заснеженных гор и таинственных островов в даялах Океана..." — проза Максима Шмырёва одновременно похожа на тексты Александра Грина, Владислава Крапивина и Василия Аксёнова (если бы последний не был пикином). И тем не менее есть свой стиль, изюминка, сущность. Шмырёв — изысканный лирик. Его слог — стальной и нежный одновременно. Сейчас в литературной моде грубые выражения, приправленные пацанским пафосом. Шмырёв как бы в стороне, его невозможно спутать ни с кем иным. Для него литература — не только поле битвы, но и колыбель благо-растворения. Выпускник литературного вуза, Шмырёв играет словом, балансируя на грани тончайшей иронии. Эта ирония столь тонка, что кажется вуалью. При этом он предельно серьёзен. Так возникает стиливая

НЕЖНО-СТАЛЬНАЯ ЛИРИКА

феерия. Итак, передо мной — сборник "Посреди великого января".

Шмырёв много и с удовольствием пишет о 1990-х. Они для него не "святые" и не "провальные". О, даже не "лихие". Это время выбора, политических игр, часто кровавых; время борьбы и дружбы, красивых девушек и рок-музыки. Обычно об этом десятилетии пишут тенденциозно — и не важно, с какой стороны баррикад колются авторы; здесь же — особая аура: "Бывало, идёшь по московской улице начала девяностых, шурша листов, её не убирают дворники, дворники будто сами потянулись за перелётными птицами на мётлах, воздух пахнет дымом дешёвых американских сигарет и ещё летящими, не разгоревшимися кострами гражданской войны..."

Это — узнаваемо. Тот, кто жил в те годы, вспоминает всё до мельчайших подробностей. Что же далее? "И вдруг видишь удивительно яркую клумбу, с цветами всех оттенков, на которые будто бы сели не менее яркие радужные бабочки. Подходишь ближе и понимаешь: это не клумба, а лоток с новейшими, только что выпущенными книгами!", — в кроваво-красочных 1990-х был книжный бум. Как по мановению волшебной палочки явились лотки — стало издаваться всё, массовое, кучно: и умные труды академиков, и броская западная фантастика, и Михаил Булгаков, и Барбара Карлленд, и Шарль Бодлер, и Роджер Желязны. Шедевры и шлак, для ума и для развлечения. Обложки — сияли. Иной раз они были образцами безвкусицы. "Нынешние обложки скучноваты и респектабельны, как господин в сером пальто, присевший отдохнуть на скамейке в парке", — подытоживает Шмырёв.

Читая, кажется, что он — человек из той параллельной реальности, где случилась другая Россия. Перестав быть советской, она не попала в жернова криминала 1990-х и нечистоплотного гламура 2000-х, а сделалась чем-то вроде Большой Русской Мечты, о которой постоянно говорит Александр Проханов. Но эта грёза словно бы затерялась в московских переулках пыльного лета: "Мне дорог тот ветер. Он раздувал паруса свободы, он обещал нечто грядущее — не то, что последующие сквозняки. Когда бьют колокола, я слышу его дыхание".

ВСЕЛЕНСКАЯ грусть по неслучившемуся: "Это время самой тщетной и самой дерзкой надежды". В принципе, Шмырёв даёт прямой ответ на вопрос: "Почему мы проиграли наши девятые?" Потому что думали о книгах, пока те, с простецко-хитрыми лицами, набивали карманы и

брали всё, что можно. И особенно то, что — нельзя. Мы были идеалистами, нам нравилось ходить с флагами и утверждать свой стиль — романтическое милитаризм: "Они (знамёна. — Авт.) парили над головами, перелетали туда-сюда над головами людей, перекрёстно опыляя их идеями, и какие только идеи не взращивали в головах их алые, чёрные, жёлтые и белые крылья! Эти люди хотели не власти, нет, власть была где-то сбоку прилёка, идеи вели в иные пространства". Люди со знамёнами не хотели власти, и случилось то, что должно было случиться: место флагов заняли денежные знаки, а мы оказались... сбоку прилёка.

Шмырёв воскрешает в памяти людей 1990-х, например, знаменитую Тимофеевну, бабульку, торговавшую патриотической прессой в самом центре Москвы, недалеко от Кремля: "Я никогда не видел, как она приходит или уходит от музея Ленина: просто появлялась утром и исчезала вечером. Можно было представить, что тайные патриотические силы поднимают её, вместе со всем товаром, наружу из реликтового бункера, а вечером, когда становится тихо и закат окрашивает облака в цвета национальной революции, опускают обратно — в потаённое подземелье, соединённое туннелями с Землёй Королевы

У телецентра «Останкино». 3 октября 1993 г.

Мод, с подземными царствами: Золотым, Серебряным и Медным. В их кованые сундуки она опускала заработанную наличность, а утром поднималась снова: в мир энтропии, реальности, тонкой, как покров Майи над хаосом".

Вспоминаются забытые боцалы — РНЕ* и ФНРД (молодёжная организация "Фронт национальной-революционного действия". — Ред.). Те, кому хотелось не власти, а знамён и хоругов.

Шмырёв пишет не только о своей юности, пришедшей на 1990-е, но обо всём и сразу: о фильме "Асса" и — продавчие мороженого, о причинах популярности оперетты в брежневские времена и — портрете Есенина, о раскопках и — выпивке; и даже о мадам Дюбарри, несчастной фаворитке Людовика XV, которую зачем-то казнили санкюлоты. Каждое высказывание — словно картина импрессиониста. Важ-

но впечатление, отпечаток в сознании. И всё это — с флёром и живым дыханием.

В сборник также включены стихотворения, не менее выразительные, чем проза. Собственно, Шмырёв в большей степени поэт, ибо вся его проза — поэтична.

И тут прослеживается романтическая линия сражений, шестий, знамён и символов: "Весна-война, весна-война. / И, шествуя по вдоль пассажира, / Что пребывает и доднесь, / В ремнях, значках и камуфляжах". Неважно, какой ты — левый или правый, ты — в строю, за шагом — шаг. В стихотворении "Белый дом" — мемуарный росчерк: "Вспоминая короб / Дома, белый-белый, / Был я очень молод, / Год тогда расстрельный... / Шёл, но мы не знали, / Поднимали знамя / Против серой стали — / Рыщущие пламя". То была несвершившаяся революция юных — коммунистов, баркашовцев, казаков; короче, белых или красных. Бунт мальчишек и девочек в камуфляже против жирной плутократии Бориса Ельцина. Восстание "книжного" поколения — у Белого дома стояла неоперившаяся интеллигенция.

От политики — к эстетике: "Я увидел звукослово, / К звукослову я пришёл. / Звукослово было ново — / Летний полдень, белый стол". Ритм и вкус Серебряного века. Не то Велимир Хлебников, не то Игорь Северянин. Сплетение звуков в фантастическую вязь.

Темы — самые разные. От флибустьеров до Ледяного похода, от мужеубийства, свершённого Екатериной, — до Маяковского и окон РОСТА. Во

всём — утончённость: "Нарисовано — в общем, расплывчатым чем-то. / Окна стеклят темноту в дремлых болотах без света".

Сейчас преизрядно затаскали определение "атмосферный", однако вещи Максима Шмырёва именно атмосферные. Вслушайтесь в стук колёс возвращающегося в Москву поезда: "И просыпаясь, когда впереди огромным заревом, занимающим полнеба, фонарями, широкими проспектами появляется Москва, и всё, кроме неё, кажется сказочным, приснившимся, несуществующим — как звёзды в свете прожекторов". И всё становится ясно.

Галина ИВАНКИНА

* Ряд подразделений движения "Русское национальное единство" (РНЕ) признаны экстремистскими

Акунов Вольфганг. Сочинения. Том 1. Загадки Атлантиды Севера. Исторические очерки. — М. : Самотёка : Международный издательский дом "Осознание", 2025. — 312 с. : ил.

ВОЛЬФГАНГ Акунов — выдающийся русский историк (а купно: поэт, писатель, журналист, переводчик), автор более 50 книг на военно-исторические темы, а также многочисленных статей в научно-исторических и культурологических журналах и альманахах "Рейтар", "Социум", "Доброволе" и др. Читателям "Завтра" Акунов может быть известен как частый гость эфирных видеоканалов "День ТВ" и "Академия Небополитики".

Текущий 2025 год у Рождества Христова для В.В. Акунова юбилейный — ему исполняется 70 лет. Достойный подарок преподнесло юбиляру издательство "Самотёка", начав выпуск его Собрания сочинений, первый том коего недавно увидел свет. Достойный подарок — достойному подарку! Свидетельствую, что данный автор как мало кто воистину заслуживает быть представленным не просто отдельными публикациями, но полноценным Собранием сочинений. Из содержания первого тома: "Легенды о балтийской Атлантиде", "О славянском мотиве в немецкой судьбе", "Война, торговля и морской разбой", "Несколько слов в порядке полемики с Иоганном Готфридом Гердером", "Этюд о норманнах" и др.

Своё писательское, научное, творческое кредо Вольфганг Акунов некогда сформулировал сплоткой ярких цитат из классиков: "О себе скажу словами Персеваса из одноимённого романа Кретьена де Труа: "Я рыцарь", — говорю мужлану: / Во всю жизнь искать я не устану / Того, чего найти нельзя. / Вот какова моя стезя". О своём творчестве скажу спо-

О РУСИ И РОССИИ

вами восточно-римского историка VI в. п. Р.Х. Агафия Миринейского: "Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия. Для меня же оно является побочным делом жизненного пути, и я не имею возможности заниматься тем, чем я больше всего желал бы. Но я всё же, поскольку это зависит от меня, не успокоюсь и не перестану заниматься любимым делом, если бы даже кто-нибудь меня и упрекал, что я берусь за дело, превышающее мои силы, если бы даже мои труды показались кому-либо совершенно лживыми и пустыми порождениями рассеянного духа; мне самому, однако, как это бывает у наиболее неопытных певцов, они всё равно не перестанут нравиться". А также словами русского мыслителя В.В. Розанова: "У меня никакого стеснения нет в литературе, потому что литература есть просто мои шутки". Об отношении к критикам и критике скажу словами Н.В. Гоголя: "О, как нам нужны беспрестанные щелчки, и это оскорбительный тон, и эти едкие, принимающие насковье насмешки! На дне души нашей столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку". Об отношении к жизни вообще скажу словами античного философа II-III вв. п. Р.Х. Аммония Саккаса: "Человек должен стремиться к прекрасному, иначе его жизнь будет прозябанием бесплодного растения, уготованного в пишу скотам". И ещё: "Меня одолевала жажда всё испробовать, изведать и познать, что было для меня источником величайшего наслаждения"

(Даниэль Дефо)... Вообще же я с годами всё более склоняюсь к убеждению, что: "Писание — это трудолюбивая праздность..." (Иоганн Вольфганг фон Гёте)".

КАЗАЛОСЬ БЫ, автор, столько лет пишущий и столько написавший (а полное собрание сочинений Акунова, буде такое издалось бы, не уступало бы по объёму, скажем, Полному собранию сочинений Льва Толстого с его 90-томьем), мог бы рассчитывать на мало-мальски аналогичные (ежели не по объёму, то по количеству) отклики на свои труды. Меж тем не то что "благожелательной прессы", но даже и "неблагожелательной критики" на написанное Акуновым до обидного мизерно. Единственный отзыв, показавшийся нам достойным внимания, обретался на ресурсе "Лайвлиб" на книгу "Сказание о наших готских предках". Мы приведём фрагмент из него главным образом потому, что он содержит любопытные суждения, так сказать, общего плана об авторе, его творческом методе, стиле и т. п.: "Автор, на мой взгляд, личность неординарная и даже несколько эксцентричная. Прочитав хотя бы одну его книгу, уже ни за что не перепутаешь... его неповторимый, витиеватый, образный стиль, неудержимый и стремительный способ повествования. И в этой книге автор остаётся верен себе. Колличество информации открывает читателя десятибалльной волной, а эрудиция вызывает уважение... Несмотря на популярную подачу автора, книгу было читать непросто хотя бы даже из-за её объёма... утяжелённого всеми этими вольными современными и старославянскими отступлениями. Но, подрав-

шись через все извилины и загогулины авторского замысла, могу прямо сказать, что книга мне понравилась".

Вольфганг Акунов по происхождению русский немец, а по убеждениям — пламенный патриот Российской империи. Его фамилия — славянизированное варяжское Хакон (Хлун, как поминается в "Повести временных лет" один из его давних прапредков).

История Руси-России, история нашей империи — для В.В. Акунова, можно сказать, фамильное дело, кровный интерес. Когда-то подобное сочетание "норманнского родословия" и русского патриотизма было, можно сказать, классическим на Руси. Ныне — с скорее экзотическое сочетание, но как знать, что приготовлено в русском будущем?

Когда-то Вольтер, говоря о подготовке того поистине мирового переворота, коим стала Французская революция, изрёк: "Все сделали книги"... Акунов в отношении "идей 1789 года" является "пламенным контрреволюционером", тем большей ценностью обладают его книги. Мир ныне находится на пороге некоего нового "поворота вправо". Некогда Бенджамин Дизраэли предсказал, что "революционное разрушение" повлечёт за собою "месть развенчанной традиции"... Означенная "месть" также любит "облакаться в книги", подобные тем, что изошли из-под пера В.В. Акунова...

Сказанного достаточно, дабы заинтересовать трудами этого автора тех возможных читателей, кто ещё не в курсе. Уверены: они не будут разочарованы... И заключим рыцарско-апокалиптический стихом самого В.В. Акунова: "Гог и Магог перед света концом / Вырвутся из-за Стены. / Бог увенчает победным венцом / Тех, кем они сражены / Будут в последнем вселенском бою. / В этом мы черпаем веру свою".

Роман РАСКОЛЬНИКОВ

Кальтенбруннер Герд-Клаус. Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / перевод с немецкого А.В. Чёрного, научная редакция и примечания Ф.М. Фомичёва; под общей редакцией Д.С. Житенёва, А.А. Цыганковой. — М. : Silene Noctiflora, 2025. — 192 с.

ГЕРД-КЛАУС Кальтенбрунер (1939–2011 гг.) относится к числу тех западных теоретиков консерватизма, чья биография и работы практически неизвестны в России. В интернете о нём, при обилии зарубежной литературы, можно найти всего несколько статей на русском языке (в том числе Ф.М. Фомичёва и Ф.С. Ким). Можно даже встретить неверное утверждение, будто бы его отцом был деятель нацистской Германии Эрнст Кальтенбрунер (1903–1946 гг.)! На самом деле его отец Карл прожил долгую жизнь, покинув этот мир в 1999 году.

В 2020 году в России небольшим тиражом вышла книга Кальтенбрунера "Трудный консерватизм". Помимо теоретических статей в неё вошли очерки о консервативной составляющей во взглядах Франца фон Баадера, Доносо Кортеса, Людвига Клагеса, Сёрена Кьеркегора, Адама-Генриха Миллера, Новалиса, Вильфредо Парето, Алексиса де Токвилья и др.

Публикация "Элиты" достаточно большим для подобных книг тиражом стала прорывом автора к российскому читателю-интеллектуалу. Несомненно, что работа

попадёт в списки рекомендуемой литературы для политологов и социологов, заняв место рядом с трудами Эдмунда Бёрка, Карла Манхейма, Гастана Моски, Вильфредо Парето, Отмара Шпанна, Освальда Шпенглера и др. С этой точки зрения труд переводчиков и публикаторов не напрасен. Достоин уважения и факт добавления научным редактором книги Ф.М. Фомичёвым к оригинальному авторскому тексту обстоятельных подстрочных сносок и примечаний. Хорошее впечатление производит послесловие Гётца Кубичека и статья Фомичёва об авторе книги.

Радует информация о подготовке новых переводов Кальтенбрунера и упоминание о его текстах про М.А. Бакунина, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского, П.А. Флоренского, а также о стойком интересе Герда-Клауса к русской культуре, философии, религии и литературе. Интригует обращение Кальтенбрунера к К.Н. Леонтьеву. Надеемся, что эти тексты станут доступными нашему читателю. Интересно, знал ли автор о трудах Н.Я. Данилевского "Россия и Европа" и П.А. Сорокина "Социальная мобильность"? Некоторые его замечания в адрес демократической системы напоминают К.П. Победоносцева. На таком фоне интерес Кальтенбрунера к Н.А. Бердяеву и В.С. Соловьёву выглядит естественным.

УЧЕБНИК ДЛЯ ЭЛИТЫ

РАБОТА Кальтенбрунера про элиту была написана более 40 лет назад под воздействием событий того времени, но, к счастью, в минимальной степени содержит политические оценки ситуации в Европе, ФРГ и СССР (рассуждения про революционно-интеллектуальную элиту марксизма и пр.).

Можно согласиться с вневременной актуальностью ряда обобщающих положений и оценок автора. Действительно, в кризисное время, будь то военные действия, экономический коллапс, террористические атаки или стихийные бедствия и пр., только сильное государство может удержать социальный порядок: "Сильное государство может быть хорошим или плохим — слабое государство плохо всегда".

Кальтенбрунер указывает на опасность "культу посредственности" для любой демократии, "если она стремится к большему, чем разрушение государства и падение нравов": "В чрезвычайной ситуации всё зависит от того, обладает ли демократия достаточным потенциалом элит".

Автору приходится чрезмерно подробно доказывать, что демократия и элита не исключают друг друга. "Элита для пока ещё господствующего класса времени есть нечто устаревшее, отсталое, анахронич-

ное, есть "пережиток додемократических времён". Однако при подозрительном отношении демократов к элите данный термин именно при них широко распространился в рекламе (элитными стали: бутик, вино, жильё, парфюм, школа и пр., и пр.). Элиты тоже бывают разные: "Есть элиты святых и джентльменов, а есть элиты гангстеров и проституток".

Автор неоднократно повторяет, что люди не являются абсолютно равными: "Есть среднестатистические люди, есть идиоты, есть таланты и есть гении". Можно, конечно, приказать назвать идиота "альтернативно одарённым", но гением он от этого не станет.

Кальтенбрунер прав и в том, что элите нужно готовить и воспитывать на протяжении долгого времени. Вопрос о "питомниках" для элиты оставляет простор для толкования, поскольку Академия общественных наук при ЦК КПСС и Высшая школа экономики, Лига плюща и форум на Селигере — слишком разные по своей сути. Немаловажным является вопрос, на каком языке (а не только историческом или мифологическом) примере следует воспитывать элиту. Победивший буржуа подражал побеждённой, но ещё не вымершей аристократии (тема хорошо описана в европейской литературе). Кому могли подражать те, кто в 90-е годы сформировали российскую "элиту"? Во-первых, они не были революционерами, ниспровергнутыми "старый порядок", а были частью советской партийной номенклатуры. Во-вторых, их "западничество" было не столько подражанием реаль-

ной западной элите как таковой, сколько воплощением их собственных представлений и фантазий (порой весьма примитивных) о том, как должен выглядеть и вести себя "западный господин". Получился капитализм, похожий одновременно на критические страницы журнала "Крокодил", посвящённые Западу, и фотографии из глянцевого журнала "Америка" (американцы не без оснований оценивали это издание как "единственный клочок территории, отвоёванный американской прессой в СССР").

Кальтенбрунер застал эпоху Ельцина, но его мнение о событиях в России мне неизвестно, а к теме элит после данной книги он не возвращался. Впрочем, фраза о том, что "демократия существует для народа, а не народ для демократии" неоднократно встречался в разных вариациях в российских оппозиционных изданиях. Актуально и другое замечание: "Чего нам в значительной степени не хватает для достижения прорыва, так это "сверхэлиты", обладающей волей и силой, чтобы блюсти те общие интересы, которые не признаются ни одной из множества других ассоциаций". Эта сверхэлита часто возникает "из крови, пролитой в боях" (М.А. Волошин), а бои пока не закончились.

Будущее покажет. Пока читаем книгу о воспитании элиты на случай чрезвычайной ситуации, избегаем "смертного греха шума", "науцаемся отказу, воздержанию и спокойствию" и помним, что "всё великое вырастает в тишине".

Александр РЕПНИКОВ